

Юй Цяотин:

— ... Знаю, что ты женишься, не надо выставляться напоказ. Я хочу сказать: неужели ты действительно собираешься просто так отдать армию Бэйянь императору, позволив ему делать всё, что захочет?

Увидев, что Фу Шэнь не отвечает, он намекнул:

— Император уже в преклонном возрасте... Цзиньюань, тебе стоит подумать о будущем.

— Хорошо, что мы с тобой знаем друг друга с корнями, иначе я бы уже давно вышвырнул тебя отсюда, понимаешь? — сказал Фу Шэнь. — Вмешиваться в дела престолонаследия — разве это слова, которые подобает говорить такому человеку, как ты, генералу, покорившему север?

Юй Цяотин ответил:

— Когда меч уже на шее, что ещё нельзя сказать? Я никогда не думал, что ты такой непреклонный. Ты смирился с судьбой или у тебя уже есть планы?

Фу Шэнь, поняв, что его раскусили, улыбнулся:

— А что ты предлагаешь?

Юй Цяотин сказал:

— Наследный принц безнравственен, князь Цзинь бесталанен, остальные ничтожны, только...

— Князь Ци, — прервал его Фу Шэнь. — С точки зрения государства, князь Ци славится своей добродетелью, а с личной стороны, моя сестра — его законная супруга. Так что ты считаешь, что он подходит для наследования трона и сможет стать хорошим императором?

Юй Цяотин кивнул.

Фу Шэнь сказал:

— Цинхэн, очнись. Если князь Ци в конечном итоге взойдёт на престол, я стану его родственником со стороны жены. Сколько родственников императора в истории закончили хорошо?

— Не смотри на то, что сейчас он ко мне относится почтительно, когда он сядет на трон, всё изменится, — продолжил он. — Мы с тобой, будучи генералами, уже беспокоимся о многом, а он, будучи правителем десяти тысяч, будет думать ещё больше. В своё время император и мой покойный отец называли друг друга «правителем и преданным подданным», но когда дело дошло до его сына, он не пощадил его.

Юй Цяотин, слушая его, становился всё более озабоченным, волосы будто бы седели:

— Если всё так, как ты говоришь, то и князь Ци не подходит. Кто же тогда достоин в рамках законного престолонаследия?

Он внезапно вспомнил что-то, и его тело дрогнуло:

— Цзиньюань! Ты ведь не хочешь, чтобы князь Ин...

Фу Шэнь откровенно признался:

— Думал об этом.

Юй Цяотин сказал:

— Генерал, ты действительно смелый.

— Но это невозможно, — сказал Фу Шэнь. — Одно только его происхождение — уже большая проблема.

Юй Цяотин спросил:

— Тогда ты...

Фу Шэнь ответил:

— Я часто думаю, будь то император, наследный принц или князь Ци, кто бы ни сел на трон, будь он мудрым или глупым правителем, почему в конечном итоге Железная кавалерия Бэйянь всегда становится костью в горле? Честно говоря, я даже сомневался, что, возможно, проблема не в императоре, а в самом существовании Железной кавалерии Бэйянь.

Юй Цяотин вздохнул, чувствуя то же самое.

— Но Железная кавалерия Бэйянь много лет защищала северные границы, усердно служа, защищая страну и дом. Что в этом плохого? — сказал Фу Шэнь. — Железная кавалерия Бэйянь — это меч государства. Меч не виноват, виноват тот, кто его держит. Пока рукоять меча находится в чужих руках, мы всегда будем жить в подозрениях.

Юй Цяотин был потрясён этими словами генерала Фу, которые были даже более дерзкими, чем его собственные, и дрожащим голосом произнёс:

— Цзиньюань, ты... ты хочешь поднять восстание...

— Не паникуй, я пока ничего не сделал, — с лёгкой улыбкой сказал Фу Шэнь. — К тому же я скоро женюсь, зачем мне, живя хорошо, портить себе жизнь и становиться одиноким изгоем?

Юй Цяотин не смог сдержаться и саркастически заметил:

— Генерал, хватит уже, не надо раздувать из слепой кошки, нашедшей дохлую мышь, великую судьбоносную встречу.

Фу Шэнь: «...»

Наговорили целую телегу чепухи, вывод — восстание поднимать нельзя, дворцовый переворот устраивать нельзя, нерешённые проблемы остаются нерешёнными, а беспокойства продолжают беспокоить. У Фу Шэня была смутная идея, но она была настолько шокирующей, что, если бы он её высказал, Юй Цяотин, вероятно, позвал бы военного врача Ду проверить ему голову. Подумав, он решил вовремя замолчать.

Накануне Нового года в Яньчжоу царил праздничная атмосфера. Солдаты, уставшие за год, могли немного расслабиться только во время праздников. Жители города всегда были близки с Железной кавалерией Бэйянь и каждый день приносили подарки к воротам резиденции Фу Шэня. Когда слуги из резиденции Янь приехали в город на повозке и добрались до резиденции губернатора, они чуть не утонули в куче кур, уток и гусей, сваленных у ворот.

Фу Шэнь находился во дворе, наслаждался жареными фрикадельками по секретному рецепту повара и выпивал с Юй Цяотином, Сяо Сюнем и другими. Услышав, что из столицы привезли подарки, он почувствовал, как только что выпитое вино «гулко» ударило ему в голову.

Он забыл, что сидит в инвалидном кресле, опёрся на стол и бессознательно попытался встать, но Сяо Сюнь быстро его остановил:

— Генерал, я выведу вас.

Юй Цяотин удивился:

— Зачем выходить? Пусть зайдут.

Пришедшим оказался слуга, который часто сопровождал Янь Сяоханя. Он сначала поклонился Фу Шэню, назвав его маркизом, и произнёс длинную речь с пожеланиями удачи, а затем добавил:

— Наше поместье прислало праздничные подарки, и господин специально приказал мне привезти их маркизу, чтобы вы могли попробовать вкусы родного дома, даже находясь вдали от столицы. Вот список подарков, прошу вас взглянуть.

Слова «наше поместье» мгновенно успокоили Фу Шэня. Юй Цяотин рассмеялся и поддразнил:

— Посмотри, как это звучит, сразу видно, кто близок, а кто далёк. Генерал всегда говорил, что Яньчжоу — это место, где он родился и вырос. А теперь видишь, эй, Цзиньюань, где же твоя настоящая родина?

Фу Шэнь, сдерживая улыбку, толкнул его локтем и с невозмутимым видом принял список подарков, наградил слугу и велел ему отдохнуть. Затем, под пристальным взглядом любопытных живых гусей, он открыл ящики, чтобы посмотреть, что прислал Янь Сяохань.

Янь Сяохань был осторожным и рассудительным человеком, отношения между ними не могли развиваться слишком быстро, нужно было соблюдать внешние приличия, поэтому эти праздничные подарки были вполне обычными: дичь, меха, ничего экстравагантного, что могло бы вызвать подозрения.

Фу Шэнь вздохнул с облегчением, но в то же время почувствовал странную тоску, насмехаясь над собой за то, что он скучает без дела. Внезапно он услышал, как Юй Цяотин воскликнул:

— Удивительно, в это время года ещё есть дикие гуси?

В первом ящике с дичью лежала пара замороженных диких гусей. Сяо Сюнь и Юй Цяотин взяли по одному и стали рассматривать, причмокивая:

— У нас тут полно диких лесов, зачем этот проникательный господин Янь отправляет сюда дичь? Оказывается, всё ради этих двух гусей! Правда, Чжуншань?

Сяо Сюнь рядом энергично кивнул:

— Да, ради гусей.

Фу Шэнь холодно сказал:

— Не шумите, будто вы никогда не видели гусей. Какие вы невоспитанные.

Юй Цяотин продолжал шуметь:

— Это не просто гуси! Это гуси для шести свадебных обрядов, маркиз!

— Заткнись, разве я не знаю, что в шести обрядах используются гуси? — Фу Шэнь притворился, что ничего не происходит, и подтянул большой меховой плащ, чтобы воротник прикрыл его уши. — Если есть подарок, должен быть и ответ. Чжуншань, найди две оленьи шкуры, чтобы отправить их ему в ответ на пятнадцатый день.

Фу Шэнь и Янь Сяохань продолжали свои игры, но в итоге пострадал Сяо Сюнь. Маленький генерал Сяо очень не хотел оставаться в одиночестве и, даже умирая, решил взять с собой подстрекателя, поэтому утащил с собой зачинщика Юй Цяотина.

Фу Шэнь наконец остался в одиночестве и медленно выдохнул горячий воздух, чувствуя, как алкоголь сжигает его внутренности.

Он наклонился, чтобы осмотреть другой ящик, и действительно обнаружил под обработанными

мехами ещё один подарок: пару ручной работы меховых наколенников.

Два гуся, две наколенника, стоимостью всего несколько лянов серебра, а остальные два больших ящика были всего лишь дополнением к этим двум подаркам.

Фу Шэнь не знал, стоит ли восхищаться его стараниями или ругать за расточительность. Подумав, он понял, что Янь Сяохань всегда был таким: его доброта и забота казались чрезмерными, он не скупился на сладости, но его искренность была глубоко спрятана в тёмных уголках его сердца.

Однако эта искренность была как драгоценный камень под слоем камня: как только она оказывалась на свету, всё вокруг превращалось в камень.

На пятнадцатый день первого месяца Янь Сяохань получил ответный подарок из Яньчжоу. Настоящий подарок был спрятан среди множества северных деликатесов: две олени шкуры и... нефритовая подвеска с цветами кампсиса.

Необычный подарок Фу Шэня чуть не лишил господина Янь сна. Ночью он с тревогой и неуверенностью рассматривал подвеску. То он думал, что Фу Шэнь что-то узнал, то считал, что это может быть попытка выразить желание «восстановить отношения». Затем он вспомнил, как Фу Шэнь когда-то разбил подвеску с решительным выражением лица — неужели он снова хочет разорвать отношения?

<http://bllate.org/book/15271/1347961>